

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Н. МАТОНИН¹

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова*

Н.Н. БЕДИНА²

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова*

ОНОМАСТИКОН ЛЕТНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Локальное социокультурное пространство представляет собой полифункциональную коммуникативную структуру, одним из механизмов функционирования которой являются имена собственные. Разделение семей с одинаковыми фамилиями предполагает различия кровного родства по отцу, реже – по матери. Основанием для «уличной фамилии» были внешность главы семьи, его характер или случившееся с ним событие. Самоидентификация жителей разных сёл требует противопоставления «своих» и «чужих» с помощью прозвищ, имеющих негативное оценочное значение. Наименования рыболовных тоней и сенокосных угодий содержат комплекс жизненно важной информации, выраженной в функциональных и визуальных особенностях местности.

Ключевые слова: Летний берег Белого моря, ономастика, уличные фамилии, социокультурное пространство.

V.N. MATONIN

*Northern (Arctic) Federal University named after
M. V. Lomonosov*

N.N. BEDINA

*Northern (Arctic) Federal University named after
M. V. Lomonosov*

ONOMASTICON OF THE WHITE SEA SUMMER COAST AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF LOCAL CULTURAL AND SOCIAL SPACE

Local cultural and social space is a multifunctional communicative structure, one of the mechanisms of which are proper names. The division of families with the same family names involves the distinction of blood relationship by father, less – by

¹ Василий Николаевич Матонин – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологи и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск)

² Наталья Николаевна Бедина – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культурологи и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск).

mother. The appearance of the family head, his character or the happened to him occurrence were the basis for the nickname. The different villages residents self-identification requires the opposition of "ins" and "outs" aided by nicknames that have a negative value. The fishing ground and grassland names contain a complex of vital information expressed in the functional and visual area features.

Keywords: the White sea Summer coast, onomastics, nickname, cultural and social space.

Исследование словесных маркеров, позволяющих разделять «своих» и «чужих» в локальном коммуникативном пространстве, актуализировано проблемой межкультурной коммуникации в эпоху глобализации. В отечественной науке эту проблематику разрабатывают А.В. Суперанская [Суперанская, 1990], Ю.Б. Воронцова [Воронцова, 2002], Т.Т. Денисова [Денисова, 2007] и др. Наиболее полная систематизация локально-групповых прозвищ на Русском Севере осуществлена Н.В. Дранниковой [Дранникова, 2004]. В настоящей статье проанализированы особенности ономастикона Летнего берега Белого моря. «Летним» называют южный берег Двинского залива Белого моря в противоположность Зимнему берегу. Название «Летний берег» объясняется тем, что снег там сходит раньше, чем на Зимнем берегу.

Историко-этнографические материалы, использованные в данной работе, получены в результате опроса жителей Лопшеньги, Яреньги, Пертоминска, Уны и Луды участниками историко-этнографической экспедиции Товарищества северного мореходства и Кенозерского национального парка 2018 г. (М.В. Калинин, В.Н. Матонин, С.В. Рапенкова)¹.

В эпоху, предшествующую новгородской колонизации XII–XIV вв., на исследуемой территории жили саамы (лопары). Названия сел имеют финно-угорское происхождение и соответствуют наименованию рек, возле которых появлялись одноименные поселения. Например, Лопшеньга – от названия реки «Лопь». Наименования же рыболовных тоней (промысловых участков на морском берегу), пожен (сенокосных угодий) и других объектов, связанных с функциональным использованием природных ресурсов, имеют исключительно общеславянское происхождение.

Хозяйственная деятельность монастырских крестьян на Летнем берегу основывалась на морских промыслах: солеварении, рыболовстве и охоте на морского зверя. Морские промыслы требовали развития судостроения, плотницкого и кузнечного дела, сетевязания и

¹ В ходе экспедиции сведения получены от Петровой Пелагеи Александровны, 1934 г.р., д. Лопшеньга; Петрова Александра Ефимовича, 1956 г.р., д. Лопшеньга; Пирожникова Евлампия Ивановича, 1936 г.р., д. Лопшеньга; Майзерова Николая Михайловича, 1968 г.р., д. Лопшеньга; Попова Валентина Семёновича, 1938 г.р., д. Уна; Железникова Виктора Максимовича, 1940 г.р., д. Луда.

других ремесел. Кроме того, местные жители занимались сельским хозяйством: скотоводством и земледелием. Материальное благополучие местных жителей зависело от рыболовных тоней и наличия пожней. В каждом селе или деревне складывались особые промысловые и судостроительные технологии, формировался неповторимый жизненный уклад: «своя порёдняя».

Первое документальное упоминание о «промысле сала» и «кожи» на Летнем берегу датируется 1459–1469 гг. в Жалованной грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю [Жалованная грамота]. В начале XVI в. вотчинами Соловецкого «Дома Спаса и Николы» становятся Уна, Луда, Лопшеньга [Савич, 1927, с. 118].

«Соловецкий летописец» сообщает, что в бытность Филиппа (Колычева) соловецким игуменом «прибыл» соляной промысел в Солокурье на Луде, где «двумя цренами варят» [Савич, 1927, с. 118]. Из воды соленого источника монастырские трудники и крестьяне вываривали соль – «ключовку». Она считалась более качественной, нежели «морянка» (соль, получаемая из морской воды). Соль варили зимой. Лес для дров связывали в плоты и доставляли водным путем через морскую губу на расстояние 12-ти верст. До нашего времени сохранились соляные колодцы в Уне и Луде.

Основным рыбным промыслом в XV–XVII на Летнем берегу Белого моря был вылов семги. С XVIII века появляются сведения о промысле сельди. Сельдь добывали также в Унской губе. Данные о промысле кумжи встречаются в документах с начала XVIII в. [«Море – наше поле»]. После секуляризации 1764 г. рыболовные тони стали государственными. Постепенно и добыча соли из морской воды и соленых источников становится невыгодной. Легче и дешевле было купить каменную соль.

В настоящее время на Летнем берегу большинство когда-то многолюдных сел зимой пустуют, превращаясь в дачные поселки. Численность населения имеет отрицательную динамику. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Лопшеньге проживали 558 человек, в Луде – 567 человек, в Уне – 702 человека [Первая всеобщая перепись, с. 8–9]. В 2010 г. в Лопшеньге проживали 215 человек, в Луде – 74 человека, в Уне – 69 человек [Всероссийская перепись 2010]. В 2018 году, в МО «Пертоминское», включающем в себя все поселения Летнего берега, зарегистрировано 971 человек. В Уне – 68, в Луде – 83, в Пертоминске – 360, в Лопшеньге – 203¹. Летом население увеличивается за счет дачников и пенсионеров. Села превращаются во временные поселения с неопределенными границами.

¹ Сведения получены от заместителя главы Администрации села «Пертоминское» Екатерины Игоревны Мартемьяной. Родилась в Архангельске. С 2016 года живёт в Пертоминске.

«До колхозов» (до 1930–1931 гг.) локальное социокультурное пространство формировалось как система коммуникаций, включающая в себя семантические и топонимические характеристики, традиции, ландшафтные и природные особенности территории, ресурсы, транспортные средства. Одним из важнейших механизмов, определяющим принадлежность местных жителей к локальному социуму, были прозвища и уличные фамилии.

У пертоминцев прозвища не зафиксированы, потому что после закрытия местного Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря в 1920 г. и расформирования бывшего на территории монастыря концентрационного лагеря (1920–1923) постоянное поселение появляется здесь лишь в 40-е гг. XX в.

Жителей Лопшеньги (лопшарей) называют турками, а жителей Яреньги (яреньжан) – японцами. Жителей села Пушлахта (пушлоходян) именовали шведами. В других местах Беломорья можно наблюдать такую же картину в характеристиках сельских жителей. Например, крестьян села Долгощелье на берегу реки Мезени называли турками, а Долгощелье – Турцией. По словам Марии Андреевны Вешняковой (1927 г.р.), долгощельцы шаровары носили «как турки». В книге «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера» Н.В. Дранникова приводит топонимическую легенду, объясняющую происхождение прозвища «турки»: однажды долгощельцы ожидали приезда архиерея. Жителям велено было выстроиться на берегу и при появлении лодки со священноначалием кричать «Ура!» Мужики (ну и турки) вместо «Ура!» закричали «Караул!» [Дранникова, 2004, с. 318].

Житель села Лопшенька Евлампий Иванович Пирожников (1936 г.р.) объяснил, почему жителей Яреньги называли японцами:

– Если вот на тою кто зайдет из пришлых: самый гостеприимный народ – в Летнем Наволоке, в Лопшеньге – еще более-менее, ухой всяко накормят, а в Яреньге на тою зайдешь – ни гу-гу, их же японцами зовут. Сидят, молчат. Староверы жили на Яреньгском озере, у них там скиты были, сенокосы [Архив ТСМ]¹.

Яреньжане и в наше время не отличаются гостеприимством. Они уверены, что к их берегу «хорошее бревно не прибьет». Можно предположить, что настороженное отношение к чужим людям имеет у яреньжан старообрядческие корни. Местные мужики не хотят, чтобы к ним прокладывали дорогу, считают, что государство их «со всех сторон обложило, жизни не дает: лес рубят, рыбу запрещают ловить». Ночью в Яреньге «комендантский час»: в поисках еды из опустевших лесов приходят голодные медведи.

¹ Курсив здесь и далее наш. – В.М., Н.Б.

Можно предположить, что шведы, турки, японцы – это народы, с которыми Россия в разное время воевала, и в каждой деревне либо жили бывшие солдаты, участвовавшие в военных кампаниях, либо другими путями доходили и сохранялись в народной памяти известия о войне. Идентификация и самоидентификация предполагает разделение людей на «своих» и «чужих».

Основаниями для взаимных обид и претензий в отношении «чужих» были пограничные пожни и рыболовные тони. На берегах реки Мезени, например, у крестьян из деревень Печище и Городок причиной споров был общий луг, который они не могли поделить так, чтобы никто не был обижен. За многолетнюю вражду жителей деревни Печище стали именовать «лондонцы», а Городка – «французы».

Житель Лопшеньги Николай Михайлович Майзеров рассказал:

– *При царе Горохе с яреньжанином поздороваться – грех на душу взять... Даже церкви разные были.*

– *Не дружили?*

– *Не дружили – мягко сказано. Это конкретно было. При колхозе был уже сделан в Яреньге постоянный двор. Там уже останавливались. Раньше Яреньгу проезжали, вообще не останавливались. Я даже застал. Колхоз один, а кто лучшие места себе займет на тонях – не дрались, а вот как-то перехитрить, урвать больше себе, больше заработать старались [Архив ТСМ].*

В каждой семье были «уличные фамилии» – семейные прозвища. Частное их предназначение в том, чтобы различать однофамильцев. В Лопшеньге местные коренные фамилии – Петровы, Федотовы, Павловские, Юдины, Корельские, Майзеровы (со слов Петровой Пелагеи Александровны, 1934 г.р., Лопшеньга). В Луде – Верещагины, Киселевы, Маслобородовы, Тюковы, Смолокуровы, Колтаковы (со слов Железнякова Виктора Максимовича, 1940 г.р., Луда). В деревне Уне – Мошниковы, Мошковы, Зарубины, Котловы (со слов Попова Валентина Семёновича, 1938 г.р., из Уны). В Яреньге – Пирожниковы (со слов Пирожникова Евлампия Ивановича, 1936 г.р., Лопшеньга). Все фамилии русские. Происхождение прозвищ местные жители объясняют по-разному. Е.И. Пирожников рассказывает:

– *Петра Петрова Колюхой зовут, хотя у них в роду Николаев вроде нету. У каждой семьи было прозвище. Ивана Леонтьевича Павловского звали Иван Кот. Почему Кот? – нормальный мужик, хорошая семья. Петр Аполос – Петр Ларионович. Их три брата было: Петр – Аполос, Михайло – Заяц, Иван – Ляга. Как прилипнет прозвище, так и не отстает оно. В Яреньге только родился, уже прозвище дают [Архив ТСМ].*

Поводом для появления прозвища мог стать какой-либо неординарный случай, как, например, в рассказе П.А. Петровой:

– У меня крестник был, пошел на улицу, еще маленький, приходит и говорит: «Ой, на улице морянка!» Так его и прозвали Сашка-Морянка. А отец мой в детстве сидел на окне, да и вывалился с окна, а потом говорит: «Я как петух взлетел!» Так его Петухом стали звать... [Архив ТСМ].

Иногда сами носители прозвищ не знают причины их появления. Е.И. Пирожников:

– Николая Мустафа называют. У меня прозвище – Галáха. Моего дядьку Гагарой звали. Не знаю почему [Архив ТСМ]. Появление прозвища Мустафа объясняется внешним сходством его владельца с персонажем популярного фильма.

В Пертоминске, где был лагерь в 1920–1923 годах, прозвища имеют, как правило, обидный характер. С тех пор здесь сменилось несколько поколений жителей, но отголоски уничижительного отношения к людям слышны в кличках, которыми, мужчины наделяют друг друга. Значительно реже прозвища дают женщинам.

Пришивная голова – «... всё забывает».

Бахила – «... у него отец бахилы шил».

Космонавт – «... в детстве с дерева упал»; «Ходит как нищий».

Труляля – «... его уже нет».

Балаган – «... всегда шустрым был».

Лаврушиха – «... жена Лавра».

Пинькин сын – «... мать его звали Пинна».

Хавронья – «... плотная была женщина. По молодости была немного неряшливая. Одевалась кое-как, когда что наденет» [Архив ТСМ].

На Летнем берегу, где в хозяйственной практике преобладали морские промыслы, уличные фамилии выражены преимущественно именем существительным, а в сельскохозяйственных районах Поморья – различными частями речи, преимущественно притяжательными прилагательными: здесь уличные фамилии указывают на принадлежность человека к той или иной семье или на место его рождения. В Каргополье, например, в районе Лекшмозера, зафиксированы прозвища, которые получали значение официальных фамилий: Поповы – Паковы (по деревне); Харичевы – Оськины (отец Осип); Солодягины – Рыбины (по деревне); Ушаковы – Овдюшины (от Овдюхи); Калинины – Глубокозеровы (из деревни Глубокое озеро на Кенском волоке) и т.д. Основная функция новообразований – опять же различение однофамильцев.

Характер прозвища или уличной фамилии говорит об особенностях восприятия местными жителями друг друга. Личность рассматривается либо как автономный субъект, либо как часть рода или земли [Матонин, 2014, с. 38]. В каждом селе первоначально были одна или две фамилии, принадлежавшие первым поселенцам.

Разделение семей предполагало различие кровного родства по отцу (реже – по матери), по занятию отца, по месту жительства, иногда по случайным, но наиболее ярким внешним признакам. Прозвища, как фамилии, переходили от дедов к отцам и внукам.

Кроме собственно жителей сел, членов локального социума, высокий ценностно-смысловой статус на Летнем берегу имели объекты, связанные с приложением сил («куда рука ходила»): рыболовные тони и пожни.

Информанты перечислили названия более 25 лопшеньгских тонь, которые находятся в 2–3 км друг от друга. «До колхозов» тони распределялись с помощью жеребьевки по семьям. У каждой тони свой характер: приметные особенности, рельеф морского дна. Все это отражено в их наименованиях. Местные жители не всегда могут объяснить происхождение названия тоней, но их имена и местоположение помнят хорошо: Никольско, Турка, Гнидина, Тотьманга, Говейка, Лодейная, Воронья, Кулачиха, Площина, Василистово, Сарайский ручей, Межа, Спаськая, Зацепино, Банёво, Воронья, Сярта, Большая Сярта, Подорожная, Косторезинская, Завал, Сеицкий завал, Бабыя, Маймина, Вёжомско, Корга, Под волóком, Лудушка, Залудье.

Рыболовные тони маркировали социокультурное пространство промышленников. Примером может служить рассказ Николая Михайловича Майзерова:

– Солдат – он глубокий потому что, тайник ставился. Потом Бараниха. Одних тут у нас Баранами звали, вот по их прозвищу и тоню назвали. Они Барановы, а их Баранами ругали. Или вот кличка есть Федя Ягушка, то есть овца. Бараниха, потом Гнидино, потом Спорница. Спорница, потому что спорили там из-за этой тони. Потом Говейка, потом Лодейная. Я на Лодейной ловлю. На Лодейной часовня была, заросла, шестиугольная. На некоторых тонях ставили часовни. Батька-то тоже на этих тонях сидел почти на всех. После Лодейной дальше Воронья, Нова, Кулачиха, Площина, Василистово, Сараиха, Люленьга, Осиповка, потом Спаська. Там склад был рыбозавода. Потому что с дальних тонь далеко было рыбу носить до склада, который в деревне. Потом Зацепино, потом Корга, и потом последняя наша тоня – Банёво, 23 километра. Навстречу нам идут летненаволоцкие тони. Сорок километров между деревнями было, вот 23 километра наши, а дальше уже Летнего Наволока. И почту также передавали: оттуда конь идёт и отсюда, там посередке встречаются. В сторону Яреньги тоже делится пополам – до Большой Сярты. И вот от Большой Сярты в нашу сторону. А там, дальше от Большой Сярты Крестовая уже яреньгская тоня. А колхоз один [Архив ТСМ].

В отдельных случаях происхождение названий рыболовных тоней объясняется местными жителями достоверно и убедительно:

Сеицкий завал – «... река Сеица есть».

Бабья – «... там стрёж, на навагу рюжи выставляли. Река Бабья».

Лудушка – «... в Лудушке от корги яма такая: глубокая, песчаная, очень хорошо сиг ловится». Луда – это песчаный островок. Уменьшительно-ласкательный суффикс в названии (с семантикой нежного, теплого отношения) объясняется тем, что это место удобное для ловли и рыбное.

Корга – «... это каменистый островок, который водой заливают во время прилива».

Погорелка – «... пожара, может, и не было. Очень разбойна тоня была. Сети выбросит – погорели опять, если убрать не успели! Морской ветер, штормяга, вместе с гундерами выбрасывает всю снасть на берег».

Крестовая – «... там почту меняли. Крест раньше возле каждой тони стоял».

Сосновка – «... сосновый бор там был раньше, наверное» [Архив ТСМ].

С большой долей вероятности можем предположить происхождение следующих названий:

Лодейная – от слова лодья. Неподалёку было тихое место для стоянки промысловых судов.

Под волоком – рядом с волоком. Изрезанные берега предполагали необходимость перетаскивать лодки волоком с одного места на другой. Это было удобнее и быстрее, чем огибать морем долгую морскую губу.

Межа – граница, рубеж.

Зацепино – неудобный рельеф дна: сети цеплялись за камни.

Приведенные выше примеры указывают на то, что наименования рыболовных тоней определяются их функциональными особенностями, визуальными характеристиками, спецификой промысла рыбы, названиями рек и ручьев.

Названия пожен в районе Уны и Луды: Зайков бор, Передний бор, Володино поле, Тугаринский бор, Калиничев бор, Курейка, Лапа, Мундорово, Бабьерецкое, Кошка, Трестяно, Крестово, Большой кекус, Малый кекус, Косторихино, Чайкин, Подсейское, Боец, Кутихино, Лапа, Большая Сейца, Малая Сейца, Крестово, Оплавно, Подсейское, Трестяно.

Валентин Семёнович Попов объяснил происхождение названий некоторых пожен:

– ...Поля все косились. Рожь да ячмень на ровном месте сеяли. Курейка – это река. Лапа – круглая, как лапа, наверное. Мундорowo – тоже не пойму почему. Там солёные озёрки кругом. Бабьерецкое – Бабья река выходит. Кошка. Это мыс. Он вдаётся в губу. Там Оплавно да Чебары, островки небольшие. Оплавно – потому что заливало иной раз, и сено-то уплывало. Чайкин Мыс – с другой стороны губы. Там чайки весной по берегам гнёзда делали. Подсейцкое. Сейца река там выходит. Две ещё реки: Большая Сейца и Малая Сейца. Они впадают в губу напротив Бойца. С той стороны. На каждой пожне избушки строили. На Крестово крест раньше был. Там речка Кайбасовка выходит в губу. Трестяно, наверное, оттого, что треста растёт. Это высокая морская трава. Она кругом всех губ по берегам растёт. Кéкус тоже был рядом. Есть Малый Кéкус и Большой Кéкус. Почему – не знаю. До революции эти названия были даны. Косторихино не знаю, почему называется. Там был приёмный пункт Рыбкоопа. На Косторихине был срублен большой склад. Рыбу принимали. А там уже дальше лудские пойдут участки. Маймино. Это уже против Луды. Почему так называется, не знаю. Также есть Крестово. Под крестом ставили невод. Раньше полностью весь берег заставлялся. По всему берегу рюжи стояли. На завале всё забивали рюжами. Приезжали ловить из Пурнемы, с Тамицы. В 1967-ом году последний раз, наверно, были [Архив ТСМ].

Наименования сенокосных угодий содержат комплекс жизненно необходимой информации. Ономастикон определяется функциональными признаками объектов.

Николай Михайлович Майзеров указывает на происхождение названия пожен от их владельцев:

– *Наволók Большой (гектара три) звался Майзеровский наволок. Там, видать, кто-то из Майзеровских косил. Поздеевы – Поздейский наволок есть* [Архив ТСМ].

Пожни не в меньшей степени, нежели рыболовные тони, маркировали социокультурное пространство и были местом особого внимания поморов.

Механизмы конструирования социокультурного пространства представляют собой полифункциональную коммуникативную структуру, выраженную в слове. Исследование ономастики социокультурного пространства Летнего берега выявляет особенности его структурно-семантического оформления: с одной стороны, ограниченность береговой линией, разделенной рыболовными тонями, с другой – тайги, к которой примыкают сенокосные угодья. Имянаречение – один из важнейших инструментов идентификации человека и социума. С появлением совхозов и «неперспективных деревень» в 1960-е гг. признаки этнокультурной локальности начали постепенно исчезать из сельской жизни, а после «перестройки» конца 1980 – начала 2000 гг. утрачены окончательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив ТСМ. Отчет историко-этнографической экспедиции Товарищества северного мореходства и Национального парка «Кенозерский» / Сост. Калинин М.В., Матонин В.Н., Рапенкова С.В. – Соловки, 2018.

Воронцова, Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Б. Воронцова. – Екатеринбург, 2002. – 22 с.

Всероссийская перепись населения 2010. Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и НАО [Электронный ресурс]. – URL: <https://arhangelskstat.gks.ru/folder/37935>. (15.05.2019).

Денисова, Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумяцкого и Ершицкого районов Смоленской области: дис. ... канд. филол. наук / Т.Т. Денисова. – Смоленск, 2007. – 195 с.

Дранникова, Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера / Н.В. Дранникова. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 2004. – 431 с.

Жалованная грамота Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова // Поморский берег. Краеведческий портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://karjalanmu.ru/1459-1469-gg-zhalovannaya-gramota-velikogo-novgoroda-soloveckomu-monastyru-na-soloveckij-i-drugie-ostrova>. (15.05.2019).

Матонин, В. Н. Родовые имена и «уличные фамилии»: опыт исследования коммуникативного пространства Кенозерья и Помезенья / В.Н. Матонин // Вестник славянских культур. – 2014. Т. 32. – № 2. – С. 32–40.

«Море – наше поле»: количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII – начало XX в. / Лайус Д. Л., Крайковский А.В., Алексеева Я.И. и др. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. – 217 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел ; Под ред. Н. А. Тройницкого. – [СПб.], 1897–1905. [Вып.] 1 : Архангельская губерния: Тетрадь 1. – 1899. – [2], IV, 46 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/12178-vyp-1-arhangelskaya-guberniya-tetrad-1-1899#mode/inspect/page/16/zoom/5>. (15.05.2019).

Савич, А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси / А.А. Савич. – Пермь: Изд-во О-ва ист., филос. и социальных наук при Пермском гос. ун-те, 1927. – 280 с.

Суперанская, А. В. Имя – через века и страны / А.В. Суперанская. – Москва: Наука, 1990. – 325 с.

REFERENCES:

Архив TSM. Otchet istoriko-etnograficheskoj ekspedicii Tovarishchestva severnogo morekhodstva i Nacional'nogo parka «Kenezerskij» / Sost. Kalinin M.V., Matonin V.N., Rapenkova S.V. – Solovki, 2018.

Denisova, T. T. Prozvishcha kak vid antroponimov i ih funkcionirovanie v sovremennoj rechevoj kommunikacii: na materiale prozvishch SHumyachskogo i Ershichskogo rajonov Smolenskoj oblasti : diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / T.T. Denisova. – Smolensk, 2007. – 195 s.

Drannikova, N. V. Lokal'no-grupповые prozvishcha v tradicionnoj kul'ture Russkogo Severa / N.V. Drannikova. – Arhangel'sk: Izd-vo PGU, 2004. – 431 s.

Matonin, V. N. Rodovye imena i «ulichnye familii»: opyt issledovaniya kommunikativnogo prostranstva Kenez'er'ya i Pomez'en'ya // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2014. T. 32. – № 2. S. 32-40.

«**More – nashe pole**»: kolichestvennyye dannye o rybnyh promyslah Belogo i Barenceva morej, XVII – nachalo XX v. / Lajus D. L., Krajkovskij A. V., Alekseeva YA. I. i dr. – Sankt-Peterburg : Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2010. – 217 s.

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda / Izd. Centr. Stat. komitetom M-va vn. del ; Pod red. N. A. Trojnickogo. – [SPb.], 1897–1905. [Vyp.] 1 : Arhangel'skaya guberniya : Tetrad' 1. – 1899. – [2], IV, 46 s. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/12178-vyp-1-arhangel'skaya-guberniya-tetrad-1-1899#mode/inspect/page/16/zoom/5>. (15.05.2019).

Savich, A. A. Soloveckaya votchina XV–XVII vv. Opyt izucheniya hozyajstva i social'nyh otnoshenij na krajnem russkom severe v drevnej Rusi / A.A. Savich. – Perm': Izd. O-va ist., filos. i social'nyh nauk pri Permskom gos. un-te, 1927. – 280 s.

Superanskaya, A. V. Imya – cherez veka i strany / A.V. Superanskaya. – Moskva: Nauka, 1990. – 325 s.

Voroncova, YU. B. Kollektivnye prozvishcha v russkikh govorah: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / YU.B. Voroncova. – Ekaterinburg, 2002. – 22 s.

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010. Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Arhangel'skoj oblasti i NAO. – URL: <https://arhangel'skstat.gks.ru/folder/37935>. (15.05.2019).

ZHalovannaya gramota Velikogo Novgoroda Soloveckomu monastyryu na Soloveckij i drugie ostrova // Pomorskij bereg. Kraevedcheskij portal. – URL: <https://karjalanmu.ru/1459-1469-gg-zhalovannaya-gramota-velikogo-novgoroda-soloveckomu-monastyryu-na-soloveckij-i-drugie-ostrova>. (15.05.2019).